

- Ступайте все обратно, - Дао Нянь, не поворачивая головы, смотрел на сгустившийся в ночи туман, и во всей его расслабленной, ленивой позе сквозила такая глубокая, вселенская усталость и отрешённость, словно ничто в этом мире - ни люди, ни духи, ни само мироздание - не могло вызвать в нём даже проблеска интереса. - Не нужно мне ваше появление посреди ночи.

В глазах Лю Мао, сидевшего на переднем сиденье, мелькнула тень тревоги и беспокойства, но он не посмел послушаться приказа своего господина и даже рта не раскрыл для возражений. Вместо этого он молча, с почтительным выражением лица, достал из-за пазухи небольшую табличку - нефритовую, с искусно вырезанными иероглифами и какими-то древними, магическими символами. Размахнувшись, он выбросил её в открытое окно автомобиля, прямо в самую гущу непроглядного, молочно-белого тумана. Табличка, сверкнув в свете фонарей, бесследно растворилась в этой белой мгле, словно её поглотила бездна.

И почти тотчас же туман, ещё мгновение назад плотный и непроницаемый, как стена, начал стремительно таять, рассеиваться, растворяться в ночном воздухе. Уличные фонари, до этого едва мерцавшие сквозь молочную пелену, словно ватные, теперь засияли ярче, увереннее, прогоняя остатки тьмы.

Как только чёрный автомобиль скрылся за поворотом, с противоположного конца улицы, дребезжа и раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяный, выполз старый, разбитый, обшарпанный автобус. Краска на его бортах облупилась и облезла, стёкла кое-где были треснуты, а фары горели тускло и неровно. К автобусу, судя по всему, было привязано множество маленьких колокольчиков - они непрерывно, на разные голоса, звенели и позвякивали при каждом толчке, создавая жутковатую, потустороннюю какофонию.

В такт этому дребезжающему звону, под ржавым навесом автобусной остановки, где ещё недавно никого не было, вдруг начали проявляться, словно проступить из темноты, несколько смутных, размытых человеческих фигур. Они появились бесшумно, неожиданно, словно материализовались из пустоты. Выстроившись в неровную очередь, эти призрачные силуэты гуськом, один за другим, стали молча забираться в разбитый автобус, который, казалось, только их и ждал.

* * *

Довезя старика Чжана до самого подъезда их дома и заметив, что тот пребывает в глубокой, мрачной задумчивости и явно расстроен сегодняшним фиаско, Шэнь Чан Ань, стараясь подбодрить соседа, тихо спросил, когда они уже остановились у двери его квартиры на четвёртом этаже:

- Дедушка Чжан, может, мне спуститься и принести вам немного свежей зелени, той самой, что мне подарили? Вы только дверь пока не закрывайте, я мигом.

- Не надо, - отрезал старик Чжан, устало махнув рукой. - Я не настолько обнаглел, чтобы такими подарками наживаться. Иди-ка ты лучше спать.

- Ну, тогда и Вы отдыхайте хорошо, - сказал Шэнь Чан Ань, с облегчением отметив про себя, что, хоть старик и выглядит подавленным, духом он не пал и сил у него ещё предостаточно. Он поднялся к себе, быстро принял душ и, рухнув на кровать, провалился в глубокий, безмятежный сон, в котором не было ни грёз, ни кошмаров.

Проснулся он на следующее утро с удивительным, незнакомым доселе ощущением: всё тело было наполнено лёгкостью и небывалой бодростью, даже взгляд стал каким-то ясным, острым, словно пелена с глаз упала. Готовить завтрак было лень, поэтому он, не мудрствуя лукаво, сварил себе простую яичную лапшу с зеленью, быстро расправился с ней и засобирался на работу.

По дороге он в очередной раз подумал, что неплохо бы обзавестись каким-нибудь личным транспортом. Ходить пешком, конечно, полезно для здоровья, но это безбожно мешает его главной утренней привычке - досматривать сладкие сны до последнего. А до зимы, между прочим, всего пара месяцев осталась, а в Умине, как назло, центрального отопления нет. Тоскливое, надо сказать, времяпрепровождение обещает быть.

Войдя в офис, Шэнь Чан Ань сразу же уловил аппетитный, дразнящий запах жареных во фритюре палочек теста - ютяо. Обведя взглядом помещение, он заметил Сюй Цзэ, перед которым на столе красовались изящный белый фарфоровый подносик и большая кружка-мак. Только вот на подносике лежали отнюдь не изысканные бутерброды с авокадо и не стейк с кровью, а аккуратно нарезанные кусочками всё те же хрустящие ютяо.

Вот ведь человек! Даже соевое молоко с жареными палочками умудряется поглощать с таким изысканным шиком, словно присутствует на светском завтраке в пятизвёздочном отеле. Настоящий "утончённый мальчик" их офиса, как они его между собой называли.

Заметив на себе взгляд Шэнь Чан Аня, Сюй Цзэ аккуратно промокнул губы салфеткой и великодушно предложил:

- У меня тут ещё одна палочка осталась. Будешь?

- Спасибо, не стоит, - отказался Шэнь Чан Ань. - Я уже позавтракал дома.

Он ещё раз оглядел комнату и с удивлением обнаружил, что тётушки Цзюань, которая обычно приходила раньше всех, сегодня на рабочем месте нет.

Сюй Цзэ, убедившись, что угощение не нужно, не стал настаивать и спокойно доел свой завтрак. Последний кусочек ютяо исчез у него во рту ровно за минуту до начала рабочего дня. Шэнь Чан Ань с молчаливым восхищением наблюдал, как Сюй Цзэ за какие-то секунды виртуозно убрал со стола всю посуду, протёр поверхность и водрузил на самое видное место приготовленную с вечера папку с документами. В который уже раз Шэнь Чан Ань подумал, что его молодые коллеги, при всей их внешней нелепости и странностях, на самом деле - люди исключительно талантливые и своеобразные.

Трусоватый до невозможности Дин Ян, который, тем не менее, безропотно таскается по ночным вызовам; утончённый эстет Сюй Цзэ, с наслаждением уплетающий грубую уличную еду; и Чэнь Пань Пань с её невероятной, просто мистической осведомлённостью во всех вопросах. В любом другом отделе эту троицу, наверное, сочли бы местными сумасшедшими, но здесь, в их захолустном Умине, они смотрелись удивительно органично и гармонично.

Время подошло к обеду, а тётушка Цзюань так и не появилась. Шэнь Чан Ань уже собирался спросить у Чэнь Пань Пань, не знает ли она, в чём дело, как вдруг со двора донёсся громкий, властный старческий голос, выкрикивающий его имя:

- Шэнь Чан Ань! Кто тут у вас Шэнь Чан Ань? А ну выходи, быстро!

Тон был самый что ни на есть недружелюбный - требовательный, с угрозой. Чэнь Пань Пань, Дин Ян и Сюй Цзэ, как по команде, дружно повернули головы и уставились на Шэнь Чан Аня.

<http://bllate.org/book/16518/1504696>